

УДК 341.23

В. С. Ягья

И ВНОВЬ В ТУРЦИИ: НАУЧНЫЕ СВЯЗИ С РОССИЕЙ И ДИСКУССИИ

В январские дни 2015 года в Анталии проходила Третья встреча российских и турецких интеллектуалов. Такие научные форумы стали уже традиционными. Определены дата и сроки четвертой встречи: в том же месяце и в те же дни, с 8 по 11 января, но в 2016 г. Среди их организаторов произошли небольшие изменения. К ранее известному перечню [1] добавился недавно созданный Институт развития научного сотрудничества, руководителем которого является доктор политических наук, профессор МГИМО(У) Е.Г. Пономарева. Открывая встречу, она выступила с приветственным словом, в котором, характеризуя тенденции развития российско-турецких отношений за минувший год, особо выделила процесс наполнения конкретным содержанием стратегического сотрудничества между Россией и Турцией. Е.Г. Пономарева убедительно показала, что оно охватывает не только энергетику, но и другие сферы жизнедеятельности обоих государств, в том числе науку и образование.

Участниками развернувшихся острых дискуссий были директор Института востоковедения РАН чл.-кор. РАН В.В. Наумкин, руководитель Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья того же академического института А.К. Аликберов, ответственный секретарь журнала «Международная жизнь» канд. ист. наук Е.Б. Пядышева, президент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова профессор М.С. Мейер, директор Центра

партнерства цивилизаций МГИМО(У) В.В. Попов, Генеральный директор Российского совета по международным делам А.В. Кортуннов, доцент факультета международных отношений СПбГУ А.А. Сотниченко, и другие российские ученые. С турецкой стороны, продемонстрировав глубокие знания документов и фактологии, с оригинальными идеями и предложениями выступали профессор Международного университета Анталии Тарык Огузлу, директор Центра стратегических исследований Ближнего Востока Хасан Канболат, профессор Университета Коч Шенер Актюрк, экс-министр иностранных дел Турции Яшар Якыш, профессор университета «Билкент» Хасан Али Карасар, заведующий кафедрой международных отношений Ближневосточного технического университета Хюссейн Багджи и другие.

Одно лишь перечисление известных специалистов-турковедов, востоковедов и русистов говорит о высоком творческом потенциале собравшихся в одном из залов гостиницы «Дельфин» в Анталии. Они креативно обсуждали четыре глобальные темы: «Этнический плюрализм» и «национализм» в России и Турции: термины, проблемы, пути решения», «Новые подходы в отношении государств и наций», «Влияние «национальной культуры» на внешнюю политику России и Турции», «Различные подходы к решению конфликтов в рамках проблем реальной политики и культурно-гуманитарных ценностей». Многие участники выступили неоднократно, выдвигая и отстаивая свои взгляды по обсуждаемым проблемам. Зачастую дискуссия выходила за рамки обозначенных тем. И это воспринималось как вполне естественный ход теоретической и практической мысли, ибо невозможно было доказать ту или иную точку зрения по российско-турецким отношениям в отрыве от мирополитических процессов, без учета глобальных и региональных аспектов мировой политики. Не помог даже призыв Яшара Якыша сузить тематику обсуждения, сократить, в том числе

географический охват происходящих событий на Земле. Это прозвучало в тот момент, когда Шенер Арктюрк пафосно заявил: «Вскоре США, Турция и Россия образуют союз против набирающего мощь Китая». Вообще, Пекин и его политика во внешнем мире, упоминались неоднократно. Кто-то благодушно отзывался о целях и задачах Поднебесной, кто-то высказывал опасения, порождённые активностью Пекина в Азии, Африке и Латинской Америке, направленной якобы против США, третьи повторяли отрицательные трактовки российско-китайских и китайско-турецких отношений, распространяемые СМИ и в некоторых научных трудах, четвертые, пренебрегая доводами алармистов, вообще говорили о второстепенной роли Китая в международных делах и мировой экономике. Причем, многие из ссылавшихся на опыт Китая, никогда не были в этой стране и в своих рассуждениях основывались на материалах периодических, публицистических и монографических изданий. Ничего, конечно, плохого в этом нет, однако, желательно было бы видеть Китай воочию, тогда многие сомнения в реалиях Поднебесной отпали бы сами по себе.

Интересы Китая простираются далеко за пределы Азиатско-Тихоокеанского региона. Они проявляются в проектах Экономического пояса Великого Шелкового пути, охватывающего фактически все пространство Евразии, Морского Шелкового пути XXI века, обеспечивающего присутствие Китая не только в Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, но и в Индийском и Тихом океанах, а также использования Северного морского пути, через который Пекин рассчитывает ускорить транспортировку своих товаров в Европу и партнерски осваивать приполярные районы, по крайней мере, европейских арктических держав. В настоящее время у Китая актуально сотрудничество с Исландией и Норвегией касательно Арктики. Картосхема, показывающая эти три масштабных проекта, и представленная на обозрение на третьем российско-

китайском круглом столе по Арктике в Циндао в октябре 2014 г., носит удручающий характер, если положиться на алармистские умонастроения ряда политиков, политологов, профессоров, докторов наук, экспертов и иных специалистов. В противном же случае следует – и это справедливее – признать, что идет интенсивный процесс геополитического и геоэкономического переустройства обширных пространств земной поверхности и участием всех заинтересованных государств. Не заостряя внимания на судьбоносных планах Китая, автор статьи напомнил, что о совместном выступлении Москвы и Вашингтона против Китая еще в 1963 г. предсказывал крупный известинец В.Л. Кудрявцев, бывший долгое время секретарем Парламентской группы Советского Союза. Разговор на эту тему с ним состоялся в дни работы учредительной сессии Организации Африканского единства в мае 1963 года в Аддис-Абебе. В нем принимал участие также постоянный корреспондент Агентства печати новостей в эфиопской столице А.Мелик-Симонян и будущий сотрудник ЦК КПСС и МИДа СССР В.И. Шараев.

С лингвистической точки зрения большой интерес представляли суждения В.В. Наумкина о предполагаемом введении в турецких школах уроков османского языка. Мгновенно возник вопрос о масштабе и целеполагании изучения османского языка, отмененного в 1928 г. Кемалем Ататюрком, когда арабская письменность для турецкого языка заменялась латиницей. Пришлось напомнить, что М.С. Мейер еще в 2013 году в Казани, на Первом Форуме Российско-турецкой общественности, призывал к активизации изучения османского языка, так как огромный пласт литературы, архивных материалов, культурного и делового наследия, писавшиеся на османском языке, оказались вне доступности широким слоям турецкого населения, да и зарубежным научным кругам, чиновному миру и деловым людям; они были в неведении наличия богатой словесности и письменной культуры, и исторических документов

времен Османской империи. Кстати, в Турции начали в 2015 г. печатать архивные документы на османском языке, касающиеся Первой мировой войны [2]. Их изучение открывает немало интересных страниц из истории того периода, раскрывает множество неизвестных фактов, событий, штрихов, столь необходимых для понимания и анализа военных судеб Османской империи. Политик, эксперт и ученый-политолог не может игнорировать эти архивы, а потому следует учить османский язык.

Предполагаемое возвращение в школы Турции османского языка кое-кто из ученых и политических наблюдателей увязывает с осуществляемой, по их мнению, исламизацией. В.В. Наумкин даже заявил, что массовое введение османского языка в турецких школах будет означать последний гвоздь в крышку гроба кемализма. Эту его точку зрения никто оспаривать не стал. Вероятно, потому что наследие Ататюрка не так уж просто похоронить, изъять из турецкой жизни, многие его заветы и реформы реализованы еще при его жизни, и вошли в плоть и кровь турецкого общества, в быт и повседневность турка. При всем притом, однако, ценности ислама по-прежнему преобладают в жизни турецкого населения: речь идет, прежде всего, об осознании принадлежности к мусульманскому вероисповеданию. По опросам, недавно проведенным сотрудниками анкарских университетов Сабанчи и Коч, 48% турецкого населения ассоциируют свою национальность с религией, а язык и чувство принадлежности к данному государству занимают не первое место по сравнению с исламом. Роль религии у них уступает в определении национальной идентичности лишь соответствующему показателю в Израиле, на Филиппинах и в США. Разумеется, в формировании современной идентичности турок не могут не сказываться ценности Османской империи. Возрождение в памяти величия Османской империи, – неотъемлемая часть формирующегося современного менталитета Турции: ведь в имперской истории были не только тирания и

невзгоды. Соединение величественных начал прошлого с вестернизацией составляет объективность в становлении новой ментальности в Турции. Это проявляется и в процессе осуществляемой в Турции политической модернизации. Очевидно, в стране реализуется этатистская модель модернизации, ибо модернизационные новшества иницируются и претворяются в жизнь государством, его структурами. Далеко не всегда при этом учитываются состояние, надежды, и перспективы гражданского общества. В Турции оно есть, но уровень взаимодействия государства и гражданского общества не идеален. Массовые протесты, в том числе по поводу время от времени вводимых запретов, ограничений, налагаемых на печатные СМИ, на Twitter и иные электронные СМИ, – тому подтверждение. Да, и исламизация, связывается с частью интеллектуальных кругов, студенчества, предпринимателей, элиты партии власти – Акпарти (Партия справедливости и развития) и лично президентом Реджипом Тайипом Эрдоганом, что не по душе многим в Турции. Не прибавили политического веса и авторитета Р.Т. Эрдогану слова В.В. Путина на одной из пресс-конференций, что «турецкий президент – это крепкий мужик». Их привел в своем выступлении А.К. Аликберов, добавив, что это свидетельство слабого уровня российско-турецкого диалога. Такая оценка маститого ученого, однако, вряд ли украшает российско-турецкие отношения в середине второго десятилетия XXI века, которые развиваются с небывалым масштабом во многих сферах жизнедеятельности обоих государств и с перспективой еще большего роста.

При обсуждении этих вопросов вспоминались теоретические рассуждения С. Хантингтона, касающиеся Турции. В частности, он полагал, что эта страна относится к разряду разорванных, т. е. к тем, где имеется одна господствующая культура, которая соотносит её с одной цивилизацией, но её лидеры стремятся к другой цивилизации [3, с. 109]. В настоящее время, по-видимому, осуществляется линия

на становление Анкары лидером исламского мира. Возможность такого сдвига во внутренней и внешней политике предсказывал еще все тот же Хантингтон (или точнее – он предположил, что эта страна может стать им при определенных условиях [3, с. 277]). Однако был убежден, что «пока Турция определяет себя светской страной [что записано в её конституции – В.Я.], роль лидера ислама ей заказана» [3, с. 277]. Для достижения такой роли, по его мнению, Турции «нужно отречься от наследия Ататюрка еще решительней, чем Россия отказалась от ленинских заветов». «Возможно, для этого, – заключил свои размышления о турецкой перспективе, – потребуется лидер масштаба Ататюрка, который объединит религиозное и политическое наследие, чтобы превратить Турцию из развитой страны в стержневое государство» [3, с. 278]. Станет ли нынешний президент Турции Р.Т. Эрдоган таким руководителем, покажет будущее. Не раз на встрече звучала убежденность в том, что в стране наметился отход от кемализма. Это многим не по душе в Турции. Попытка Анкары по нормализации и лидерству в мусульманских странах, прежде входивших в состав Османской империи, (эта линия во внешней политике Турции в ряде западных СМИ, да и в российских тоже, получила название неоосманизма, хотя официально в Анкаре отрешились от такого наименования этого своего внешнеполитического курса) не увенчались успехом: яркий пример тому – ситуация в отношениях с Египтом.

Внешняя политика и Турции, и России подвержена хаотичности, турбулентности, неопределенности, непредсказуемости ситуационных событий на мировой арене. Каждая из этих стран решает свои острые международные проблемы, но в то же самое время, вынуждена реагировать на мирополитические акты и участвовать в их разрешении, особенно тогда, когда затрагиваются их национальные интересы.

В политических и научных кругах идет поиск сходных черт в состоянии общественных отношений в обеих странах – и в России и

Турции, – многоконфессиональным и политиетническим по структуре своего населения. И в том, и другом государстве видное место занимают религиозные институты. В России это, прежде всего, Русская Православная Церковь с её четко структурированной системой управления и богослужения, далее действуют еще три традиционных религии: ислам, буддизм и иудаизм, располагающие своими управленческими службами и иерархией, у которых, как, скажем, у мусульман, не без внутренних расхождений по вопросам управленческого устройства. В Турции ведущие позиции занимает ислам суннитского толка; её верховный муфтий сумел устранить противоречия по соподчиненности священнослужителей. В Турции создан департамент по религиозным делам во главе с Мехметом Гёрмезом, который координирует работу религиозных организаций. В настоящее время идет процесс примирения с религиозными меньшинствами: алевитами, близкими к шиизму, язидями, сочетающими исламистские и христианские постулаты, христианами – православными, католиками и армянами-григорианцами. Одновременно, взят курс и на примирение с Рабочей партией Курдистана, чей лидер – Оджалан – приговорен к смертной казни, но отбывает по существу пожизненное заключение на одном из островов Мраморного моря, с ним властям удалось договориться о начале примиренческого процесса.

Не будет преувеличением сказать, что в России и Турции происходит политизация и православия, и ислама, которая является составной частью мирового процесса политизации религии. Институты этих конфессий не могут, объективно говоря, находиться вне политики, устранившись от нее, ибо, как бы ни отделялось государство от религии по конституции, у многих религия в душе, в сердце, в головах и вольно или невольно мы часто соизмеряют свои действия с религиозными воззрениями, ссылками на Бога, на предназначение свыше. Да, и в проповедях, читаемых

священнослужителями своей пастве нередко слышны призывы к уважению государства, странолюбию и человеколюбию. Как можно воспринять иначе слова Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, обращенные к русским, живущим в Армении, а именно: «Любите народ, среди которого живете!». Политика или нет? Религиозный дух в нем, конечно, присутствует, но с точки зрения государственных интересов, миропонимания между народами он был просто необходим, придавая ему политический подтекст. Не могу не доставить себе удовольствие сослаться на тезис В.И. Ленина: «Находиться вне политики, это тоже политика!».

Политизация охватывает в России и Турции и другие религиозные верования, численно представленные адептами намного меньше, чем православие и суннитский ислам. Разумеется, их влияние не столь масштабно, хотя эффективность иногда может быть значительной. В Турции к таким меньшинствам относится православие, с Божьей помощью возглавляемое Вселенским Патриархом Варфоломеем, шиитский ислам и появившийся, если верить российскому публицисту-литератору и религиоведу Ю. Каграманову, исламский кальвинизм. Относительно последнего верования Х. Канболат, отвечая на мой вопрос, сказал, что оно, представляющее собой сочетание основных ценностей ислама и кальвинизма, как новое религиозное направление начало формироваться в Турции с 1980 г. Однако не внедрилось в массы. Возможно, не в связи с исламским кальвинизмом, а в поиске путей реформации ислама (хотя это в настоящее время абсолютно немыслимо) он предложил развитие исламского социализма и демократическое развитие ислама. В предложениях Х. Канболата ничего нет необычного. В Европе среди интеллектуальной элиты, можно услышать, что необходимы нововведения в исламскую практику, преобразования не только в обрядности, но и в божественном восприятии Корана, его пророка Мохаммеда. Такие мысли, по-

видимому, порождаются в результате радикализации ислама, о чем твердят непрестанно в СМИ, эксперты, политики, государственные деятели, общественные лидеры. Но ведь и христианский мир далек от идеала, в нем немало противоречивого и радикализма, а как иначе расценить рассвет в Европе агрессивного антиисламизма.

Распри на религиозной почве влияют на отношения стран друг к другу, в том числе и между Россией и Турцией. Различные подходы к событиям в Сирии, Ираке, Египте, на Украине и в других странах, где разгорается конфликтная обстановка, однако, не изменили позитивный характер этих связей. Расхождения пытаются использовать в своих планах западные страны. Но, как отмечали в Анталии, на пути стояла мудрость двух руководителей В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана. П.В. Штыков вполне объективно утверждал, что турецкий президент – версия российского. Х. Багджи говорил, что роль В.В.Путина в развитии отношений с Турцией и во всем мире – велика. Отмечался и процесс путинизации в Турции. Автору этих строк уже приходилось писать об этом, и потому не может не вызвать определенного удовлетворения то, что утверждали турецкие коллеги о лидерах двух стран [4; 5].

Оценки того и другого президента могут быть и неодинаковы, но надо отдать должное, при них в руководимых ими странах произошел прорыв в экономике и политике. Турция идет к центру мировой политики, а Россия возвратила себе державное положение в глобальной системе международных отношений. И в том и в другом государстве множество проблем развития, в том числе и в области формирования гражданского общества.

Акты насилия, совершенные членами ряда псевдообщественных организаций, не располагают к гармонизации государственно-гражданских отношений.

В России, конечно, ситуация заметно иная, но, все же, и здесь существуют экстремистские, националистические и клерикальные

силы, выступающие под знаменем скрытого или явного несогласия с проводимой государственными органами власти политикой устойчивости политической и общественной системы.

Наряду с политизацией православия и ислама, укрепления их позиций в традиционных регионах распространения происходит их (этих религий) детерриторизация, т. е. проникновение и упрочение позиций православия и ислама там, где раньше адепты этих конфессий либо вообще отсутствовали, либо составляли явное меньшинство.

Для национальной идентичности населения России, неоднородного в этническом отношении, как и Турция с таким же полиэтническим населением, характерно воздействие позиционирования обеих в качестве защитниц соответственно русскоязычных и тюркоязычных. В подтверждение яркий пример тому российских действий в Украине, а Турции – выступление официальной Анкары в защиту крымских татар, когда Крым воссоединился с Россией, уйгур в Синцзянь-Уйгурском автономном районе. Та и другая страна не прочь заявить о себе как о защитнице соответственно православных (например, на Кипре, точнее в его южной части) и мусульман (например, в Бирме, власти которой подвергли гонениям приверженцев пророка Мухаммеда, суннитов в Сирии, притесняемых властями). Одновременно Анкара стремится углублять, расширять, увеличивать и совершенствовать свои связи с государствами и российскими регионами тюркоязычного мира. Удалось ли ей убедить мировое сообщество или, по крайней мере, тюркский мир, что является его мощным центром, голос которого значителен в мировой политике – вопрос, который требует всестороннего рассмотрения. По крайней мере, это геополитическая роль Турции оспаривается. В июне 2014 года на базе Российского государственного гуманитарного университета в Москве проходила крупная конференция российских и турецких журналистов,

политических наблюдателей, экспертов и ученых. На ней выяснилось значение журналистики, СМИ и специалистов в информации общества, властей и науки о внутривосточных и международных событиях. Всеобщее удивление вызвало выступление представительницы Татарстана Ю.Ф. Миннулиной, заявившей, что Казань – это столица тюркского мира и исламского также. Будучи очевидцем-слушателем этой тирады, поинтересовался у депутата Государственной Думы М.М. Бариева, сделавшего очень содержательный доклад о Татарстане на встрече интеллектуалов в Анталии, насколько распространена в этой республике подобная точка зрения. Выслушав меня, он недоуменно посмотрел и жестко произнес: «Глупость». Слов нет, между Турцией и Татарстаном отношения развиваются, активно растет товарооборот, осуществляется сотрудничество в промышленной области, реализуются проекты в сфере науки и образования. Но вот на счет центропробывания Казани в исламском и тюркском мирах, по-моему, представительница Татарстана переборщила. Хотя может быть с точки зрения политической психологии и политической пропаганды она права: пусть волнуются, трепещут и раздражаются соперники на такое высокое место.

В любом случае, подобные заявления участвуют в оказании воздействия на формирующийся менталитет татарина, сочетающий ценности татарского народа, его конфессиональной принадлежности к исламу, татарскому и русскому мирам. Влияет ли такой национальный менталитет и идентичность на становление политической нации в России? Ответ может быть только да. Процесс образования политической (гражданской) нации, если довериться данным опросов в различных регионах страны, приведенных доктором ист. наук проф. Л. Дробышевой, то гражданская нация (политическая) уже сложилась. По мнению директора Института этнологии и антропологии РАН академика В.А.Тишкова, она в России существует постольку, поскольку существует гражданское общество. Однако В.

Паин отрицает сложившееся гражданское общество в России, а потому в стране нет и гражданской (политической) нации. Л. Дробышева на мой прямой вопрос о том, ушла от ответа. Скорее всего, близок к истине В. Паин, бывший одно время советником президента Б.Н. Ельцина. Дело в том, что, если бы в стране сложилась гражданская (политическая) нация, то не было бы временами вспыхивающей напряженности в межнациональных отношениях в России. Ведь не случайно в правительстве страны то упраздняют государственный орган власти, занимающийся межнациональными отношениями, то вновь создают и так пока, вероятно, до бесконечности. Вероятно, это происходит потому, что вопросами межнациональных отношений занимаются люди, чьи потенциальные возможности государственной службы в этой области ограничены лишь чиновничьим (причем, часто в самом худшем значении) усердием «чего изволите-сь».

В Турции же формирование политической нации находится в зачаточном состоянии, соответствующем качественным и количественным характеристикам гражданского общества.

В процессе формирования гражданской (политической) нации велика роль индигенизации, возврата к корням, конечно, не к, скажем, пещерному веку, а накопленным столетиями и тысячелетиями ценностям, забытыми или сознательно изъятыми из духовного и практического обращения в жизни человека. Индигенизация выдвигается как противовес неудержимо развивающейся глобализации, стирающей национальные преграды, культурные особенности, а самое главное – преследующей введение ограничений на суверенитет национальных или многонациональных государств, а в далеком будущем, вероятнее всего, его устранение вообще при создании мирового правительства. Отсюда, т. е. с поиска знаковых событий в прошлом, огромный интерес в России и Турции к Первой мировой войне, столетие со дня начала которой отмечалось в 2014 г. Эта война

называлась в России нередко то забытой, то даже украденной, с точки зрения придания её абсолютному забвению. Не случайны, поэтому, многочисленные мероприятия в России по освещению многих героических фактов её участия в этой войне на стороне Антанты.

В Турции, образовавшейся на развалинах Османской империи, подвергшейся территориальному разделу между Великобританией, Францией и некоторыми их союзниками, решили тоже напомнить о своих славных страницах военных действий против британо-французских войск, в Галлиполийской битве весной 1915 г. Командовал тогда турецкими войсками, одержавшими победу и предотвратившими захват Стамбула, генерал Мустафа Кемаль, основавший позднее Турецкую республику. 24–25 апреля 2015 г., когда в Чанакалле и Гиллиполи, проходили торжества, и в тоже самое время, траурные мероприятия по погибшим со стороны победителя и со стороны побежденных. Анкара демонстрировала атмосферу дружелюбия и уважения ко всем воевавшим тогда. Турция сумела преодолеть в себе горечь поражения в этой войне своей предшественницы Османской империи и протянула всем ветвь цивилизационного примирения.

Вообще надо признать, что в Турции, придавая больше значения своей истории, тем не менее, стремятся не приукрашивать её ход, акцентируя внимание на наиболее выгодных фактах для собственного возвеличивания и умалчивания о тех событиях, которые выставляют страну не в лучшем виде. Яркий пример тому – деятельность международной Ассоциации морских исследований, созданной на I Международном конгрессе Евразийской морской истории в ноябре 2012 г. в Стамбуле. Второй конгресс проходил в июле 2014 года в Санкт-Петербурге и был связан с 300-летием Чесменской морской битвы, где турецкий флот потерпел поражение, и Гангутским морским сражением, в котором российский флот впервые одержал победу в Северной войне. Гуманистический характер научных исследований

проявился в следующих словах руководителя упомянутой Ассоциации адмирала Метина Атача, 22-го командующего ВМС Турции: «Как известно, история морских держав насыщена событиями важного военно-политического, экономического и культурного значения. Любое государство, обладающее флотом, помнит и чтит свои морские традиции и боевую летопись, стремится сохранить и приумножить морское наследие своей страны. Необходимость обобщения прошлого опыта обмена исторической информацией о развитии мирового кораблестроения, морского военного дела, деятельности известных мореплавателей и флотоводцев побудили ученых и общественных деятелей разных государств мира выступить с инициативой организации международных форумов.

Отрадно, что II Международный конгресс Евразийской морской истории состоялся именно в Санкт-Петербурге – морской столице России. Организация и итоги форума соответствовали заявленному статусу. В научном мире есть негласное правило – солидным считается мероприятие, на котором прозвучало не менее ста научных докладов. А в Петербурге было значительно больше, при этом, по нашим условиям все работы и исследования не могли быть ранее нигде публиковаться! Примечательно, что во многих исследованиях были использованы архивные материалы, которые ранее были неизвестны. Все доклады были отобраны заранее Ученым Советом. Если бы не было таких правил, то мы бы имели просто уроки истории. А так, теперь мы имеем блестящие работы, которые будут опубликованы в специальном альманахе на английском и русском языках. Эта книга будет доступна для всех, кто интересуется морским историческим наследием. Уверен, что благодаря проведенным Конгрессам, мы сможем стимулировать интерес к морской истории, особенно среди молодежи, во всем мире» [6, с. 15].

Между Россией и Турцией было немало войн, жестоких, кровавых. Однако в совокупности они охватывают менее 45 лет в

более чем пятисотлетней истории дипломатических и иных мирных отношений между ними. То есть постоянной враждебности между Россией и Турцией не было. В Петербурге несколько лет тому назад была издана книга Д. Шериха «Турецкий Петербург», в которой на конкретном материале показаны архитектурные и скульптурные памятники, воздвигнутые под влиянием или при участии турецких архитекторов, ваятелей, а также литературные связи, обмен спортивными командами и т. п. Нелишне напомнить, что в 2008 г. опубликован в Стамбуле интересный труд «Российские соотечественники в Турции: история и современность», в котором впервые рассказывается с привлечением архивных материалов, о пребывании России в Османской империи и Турецкой республики в течение XX века. Примечательным фактом стало издание в 2012 г. Генеральным консульством Турции в Санкт-Петербурге небольшой, но очень познавательной брошюры «От прошлого до наших дней: турецкие следы в Санкт-Петербурге и его окрестностях». В настоящее время в Турции проводятся олимпиады русского языка среди молодежи, а в Москве и городе на Неве – турецкого языка. Все это свидетельствует о том, что Россия и Турция оставили в стороне свои прежние распри, сумели найти путь истинного добрососедства. И это, – невзирая на имеющиеся разночтения в оценках тех или иных событий на мировой арене, на разноликость имперского синдрома, на разнородность трансформационных направлений, на неодинаковость политической, военной и хозяйственной мощи в мировом сообществе, на российское место постоянного члена в Совете Безопасности ООН и неудачу Турции в обретении двухлетнего пребывания в этом решающем органе ООН в 2014 г. Таких несовпадений можно привести еще немало. Дело не в них – Россия и Турция – две крупные евразийские державы – строят свои отношения, не зацикливаясь на противоречиях, а, наоборот, изыскивают возможность идти дальше и

дальше в своем стратегическом сотрудничестве, укрепляя одновременно региональную и глобальную безопасность.

Этому процессу придало бы еще большую надежность, прочность и перспективу осуществление планов открытия Российско-Турецкого университета, о чем уже не раз ставился вопрос перед властями обеих стран. Х. Канболат с горечью говорил о несостоявшихся пока надеждах. Этим вопросом занимался, в частности, Волкан Бозкырт, будучи соруководителем российско-турецкого форума общественности и председателем Комитета по международным делам Великого Национального собрания Турции, а сейчас он министр по связям с ЕС. Х. Канболат недоумевал, почему Турецко-немецкий и Турецко-французский университеты есть, а совместный с Россией такой вуз отсутствует. Странно, что этим делом никто по существу в России не занимается: по крайней мере, никто из россиян не откликнулся на сетования турецкого коллеги. К созданию совместного проекта можно было бы привлечь петербургских тюркологов и туркологов. Петербургская школа турковедения внесла огромный созидательный вклад в науку о Турции. Имена академика А.Н. Кононова, профессоров С.Н. Иванова и И.В. Гузева известны всему миру. Велико также значение московских ученых в исследовании Турции. Это – и М.С. Мейер, которого ректор Международного университета Анталы Джихат Гёктепе назвал дуайеном мировой тюркологии, и чл-кор. АН СССР В.А. Гордлевский, под редакцией которого был опубликован Турецко-русский словарь в 15-тысячах экземплярах в 1945 г., когда только-только закончилась Вторая мировая война.

Открытие Турецко-российского университета способствовало бы формированию единого образовательного пространства в Евразии. Тогда было положено начало подготовки совместных программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры по различным областям знания, которые, как справедливо заметила Е.Г. Пономарева,

обязывают к действию. Думается, что такие формы обучения, расширяющие и углубляющие компетенции и образовательно-программные виды преподавания, содействовали бы изменению той ситуации, когда, по словам М.С. Мейера, студенты не слушают на лекциях и семинарах, а больше пользуются сведениями из интернета. Вероятно, по этой причине в России постоянно распространяется мысль об отказе от аудиторных лекций и переходе к их чтению преподавателями в электронных средствах. Тогда лучшей формы оболванивания и отупления обучающегося поколения трудно было бы придумать. Невооруженным глазом видна также стратегическая цель такого обучения, а именно: провести крупные кадровые сокращения профессорско-преподавательского состава, открывающие путь к экономии бюджетных средств.

Всех поразила в Анталье невольно вырвавшаяся из уст М.С. Мейера фраза о том, что студенты МГУ им. М.В. Ломоносова плохо знают географию Турции. Возможно, имелись в виду лишь его студенты, а не учащиеся, скажем, географического факультета, преподаватели которого обладают высоким научно-педагогическим потенциалом, а студенты отменно познают различные географические дисциплины. О достойном уровне подготовки специалистов-географов известно не понаслышке, а из собственного опыта (автор этих строк имел возможность лично убедиться в период четырехмесячного повышения квалификации в МГУ им. М.В. Ломоносова): высокое качество преподавания геофак сохранил, несмотря на все реформы конца XX – начала XXI вв. Складывается сейчас впечатление, что главное для преподавателей – это не качество лекционной, семинарской работы, и студенческой практики, а индекс Хирша, цитируемость по РИНЦу, публикации (по нескольку в год, как правило) в рекомендуемых ВАКом журналах, в изданиях Web of Science или Scopus. И, тем не менее, М.С. Мейер выразил общую убежденность, что результаты научных изысканий нам надо доводить

до сведения студентов. К тому же самому призвал и Х. Канболат. Своеобразным откликом на эти призывы явились в 2015 г. проведенные в Анкаре встречи молодых исследователей развития российско-турецких отношений.

То, что молодежь тянется к качественным знаниям, к общению с преподавателями, к участию в научной работе, к активной деятельности, подтверждается двадцатилетним опытом факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета и кафедры «Международные отношения» Санкт-Петербургского политехнического университета. Студентов этих учебных заведений часто можно видеть среди участников и докладчиков различных международных и всероссийских научных конференций. Они воспитываются в духе патриотизма, веротерпимости, необходимости постоянного приобретения новых знаний и высокой культуры государственного служения. Студенты своей учебной, общественной активностью, стремлением к совершенствованию знаний, научной работой, повышают репутацию своих университетов в Петербурге, в России и за рубежом, где многие из них учатся в порядке обмена, встроенного в систему обучения совместными программами.

Приобщение студентов и Стамбула, и Санкт-Петербурга, Казани и Стамбула, Москвы и Анкары, других городов Турции и России к исследовательской работе по тематике Встреч российских и турецких интеллектуалов будет способствовать повышению потенциала сближения и сплочения наших двух стран. В итоговом коммюнике Третьей встречи этих ученых специально записано, что «отношения между двумя странами могли бы получить новый импульс за счет усиления вклада... молодежных и студенческих организаций», а также научных учреждений и институтов гражданского общества. Принципиально важное значение имеет положение в коммюнике о том, что «регулярный политический диалог, налаженный между

Москвой и Анкарой, целесообразно развить за счет углубления его интеллектуальных основ» Позитивную роль для развития диалога и сотрудничества могло бы сыграть открытие на кафедре бакалаврской программы «Зарубежное регионоведение» по направлению «Турция».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Ягья В.Я.** О дискуссиях в науке по проблеме отношений России и Турции в XXI в. // Международные отношения и диалог культур. 2014. № 2 (2013). С. 111-122
- 2. Alkan S.** Turkey opening Ottoman archives over 1915 incidents // Daily Sabah, April 15, 2015.
- 3. Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций // Пер. с англ. Т. Велимесса, Ю.Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- 4. Ягья В.С.** Пути-перепутья современной Турции // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 4, СПб, 2009.
- 5. Ягья В.С.** Турция в современной системе мировой политики в XXI в. Вып.5, СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
- 6. Ковалев А.** Конгресс морских историков // Индустрия туризма и культуры. Октябрь-ноябрь 2014.